

скому (именно он является выразителем идей автора) порядком надоели «сентиментальные кривлянья, принужденные вздохи и это платье альпийской пастушки», т. е. всё то, что характеризует его сестрицу. Эти нападки на сентиментализм и объясняют возмущение, которое вызвала пьеса Шаховского в среде зрителей-карамзинистов, в частности у П. А. Вяземского. Отрицательное же отношение Державина и многих других писателей к «Коварному» могло быть связано с тем, что в качестве главного героя комедии был выведен Шаховским действительно «пролаза» в полном смысле этого слова, проходимец и авантюрист Монтани, иностранец по происхождению. Он сумел при помощи своей хитрости и изворотливости оборотить всех тех, с кем столкнула его судьба. Без ума от него не только княжна Кермская; даже ее брат, который недоверчиво относится к иностранцам, весьма высокого мнения о Монтани. Своим искренним другом считает его и молодой граф Ипполит Вельский. Софию же Кермскую мнимые совершенства венецианца даже пугают. Стараясь во что бы то ни стало достигнуть своей цели — женитьбы на богатой и знатной девушке, княжне Софье Кермской, Монтанй очень ловко устраняет своего соперника — графа Вельского. А обманутая «пролазой» старшая княжна Кермская, единственной наследницей которой является Софья, дарит Монтани свое имение.

Особенное возмущение зрителей мог вызвать монолог Монтани. Характеризуя свой ум, «победитель предрассудков» Монтани, потерявший в молодости свое имение, провозглашает, что теперь и он сам «получил право обольщать, разорять» других. С этой именно целью он приехал в Россию, где гостеприимство жителей и покровительство одного сановника дали ему возможность отличиться. «И наконец мой ум принуждает знатного и богатого господина женить меня на своей дочери», — заключает Монтани свой монолог.

Возникает вопрос, присутствовал ли Державин на первом представлении «Коварного»? Ответить на него с полной определенностью вряд ли возможно, так как прямых свидетельств об этом не сохранилось. Но в конце 1804 года Державин был в Петербурге и, следовательно, мог присутствовать в театре и 16 декабря.⁸

Некоторым подтверждением этой догадки может служить и сама эпиграмма Державина.

Трудно предположить, чтобы поэт мог написать эпиграмму на пьесу, которой не видел и о провале которой знал только понаслышке: это противоречит обычной его литературной манере — отправляться от реальной действительности.

⁸ Известно, что в Екатеринин день (т. е. 24 ноября) 1804 года Александр I во дворце подошел к Державину и спросил его, был ли он накануне в театре на первом представлении «Эдипа» (В. А. Озерова). Таким образом, в это время Державин, очевидно, нередко посещал театр.